

Двое, не обращая внимания на окружающих, шептались между собой, чем вызвали недовольство одного из режиссёров:

— Кхе-кхе! Это съёмочная площадка, здесь я главный! Вы двое там шепчетесь, а меня, режиссёра, вообще в расчёте берёте?

Тан Цюй уже собирался извиниться, но Гуань Янь опередил его:

— Режиссёр Тань, Цюй только что пришёл, я проведу его, покажу, где что находится. Мои сцены перенесите на послеобеденное время.

Это был первый раз, когда Гуань Янь изменил график съёмки ради личных дел.

Режиссёр Тань, наблюдая за уходящими молодыми людьми, тихо усмехнулся:

— Молодость — это прекрасно.

Гуань Янь сразу же повел Тан Цюя в свою палатку. Будучи главным актёром и весьма значимой фигурой, Гуань Янь имел роскошную палатку.

Тан Цюй, войдя внутрь, был поражен:

— Если не сказать, что это палатка, можно подумать, что это шикарный особняк.

Он небрежно оглядывался, не замечая, как мужчина за его спиной крепко закрыл дверь.

Тан Цюй продолжал осматриваться, как вдруг почувствовал давление сзади и в следующее мгновение оказался прижат к кровати Гуань Янем.

— Что ты делаешь?

Хотя между ними уже было нечто негласное, он не планировал, что что-то произойдёт прямо сейчас.

Гуань Янь не ответил, лишь одной рукой зафиксировал руки Тан Цюя над головой, а ногами обездвижил его.

Затем его длинные пальцы ухватились за край одежды Тан Цюя и начали поднимать её вверх, обнажая его белую и нежную кожу.

— Гуань Янь, зачем ты раздеваешь меня?

Тан Цюй, глядя на сосредоточенное лицо Гуань Яня и чувствуя его движения, не мог понять, что тот задумал.

— Спина зажала?

Пальцы Гуань Яня скользнули по пояснице Тан Цюя, нащупав место, где была травма. Она уже почти зажала, но при близком рассмотрении можно было заметить, что это место отличалось от остальной кожи.

— Не трогай, щекотно. Такая мелочь давно прошла.

— Ты совсем не бережёшь себя. Если он тебе мешает, почему бы просто не уйти? Зачем мучить

себя?

Гуань Янь поправил одежду Тан Цюя, в его голосе звучала забота.

— Эх, это пустяки. Потом меня даже похвалили за хорошую работу.

В голосе Тан Цюя слышались утешительные нотки.

— Не рань себя. Я буду переживать.

Гуань Янь обнял Тан Цюя и тихо прошептал ему на ухо.

Тан Цюй спокойно позволил себя обнять, не сопротивляясь.

Лишь когда кто-то постучал в дверь, объявив об обеде, Гуань Янь отпустил его.

Тан Цюй посмотрел в окно, а Гуань Янь продолжал наблюдать за ним.

Его взгляд скользил по контурам Тан Цюя, словно пытаясь запечатлеть его в самом глубоком уголке своего сердца.

Оба понимали, что между ними оставалась лишь тонкая грань, но оба колебались сделать последний шаг.

Тан Цюй беспокоился, что может внезапно исчезнуть, или, даже если останется здесь, что он сможет предложить Гуань Яню, чтобы доказать свою любовь.

Он уже не был тем наивным юношей, мечтающим о любви. Он понимал, насколько ценна и сложна любовь взрослых, и хотел, чтобы это было на всю жизнь, а не мимолётное увлечение.

Гуань Янь же больше беспокоился о Тан Цюе. Тот был новичком, только начинающим свою карьеру, и всё шло к лучшему. Не говоря уже о разнице в возрасте, если бы они сейчас вступили в какие-либо отношения помимо наставника и ученика, для Гуань Яня это было бы лишь ещё одним романом, а для Тан Цюя — совершенно иной историей. Его могли бы недооценить те, кто не знал правды, что повлияло бы на его развитие.

Поэтому оба колебались, не зная, когда и как заговорить об этом.

Появление Тан Цюя привлекло внимание всей съёмочной группы. Все знали, что Киноимператор Гуань, хотя и не был слишком холодным, но всегда держал дистанцию.

Но Тан Цюй был другим. Он смог заставить Киноимператора лично встретить его и даже перенести свои сцены.

Оба не были излишне сентиментальными, и в обед они вместе с остальными ели из контейнеров, пока другие украдкой поглядывали на Тан Цюя.

Получив свою порцию, Гуань Янь сначала взял контейнер Тан Цюя.

Тан Цюй, держа палочки, растерянно спросил:

— Зачем ты взял мою еду?

Гуань Янь, используя палочки, начал вытаскивать из еды имбирь и чеснок.

— Здесь не дома, я не могу приготовить тебе еду, так что придётся так. Вот, теперь чисто.

Он протянул очищенную еду Тан Цюю.

Тан Цюй слегка покраснел, взял контейнер и тихо сказал:

— Спасибо.

Остальные, обедающие рядом, украдкой наблюдали за ними, и, увидев такое поведение Гуань Яня, их глаза округлились от удивления.

Такого внимательного и нежного Киноимператора они видели впервые.

Казалось, Тан Цюй почувствовал, что за ними наблюдают, и поднял голову, оглядываясь.

Остальные сразу же начали смотреть в разные стороны, явно смущаясь.

— Что случилось?

— Ничего, наверное, я просто слишком чувствительный.

— Хорошо, ешь скорее, после обеда будет тяжело.

Гуань Янь говорил негромко, но достаточно громко, чтобы окружающие услышали.

Боже, этот голос Гуань Яня! Такой нежный, такой обворожительный! Неужели они действительно могут это услышать бесплатно?

Теперь все поняли, какое место занимает этот новый восходящая звезда в сердце Киноимператора.

Однако у них не было никаких негативных чувств. Киноимператор мог любить, кого хотел, и, кроме того, они выглядели очень гармонично вместе.

Один — гордый и благородный, другой — изящный и утончённый. Очень подходящая пара.

Среди всех лишь один человек не был спокоен.

— Брат Юн, у тебя что, вражда с этим куском мяса?

Ду Янь, видя, как Чжан Юн безжалостно ковырял кусок мяса в своём контейнере, не выдержала и сказала.

Чжан Юн, не отрывая взгляда от Гуань Яня, злобно ответил:

— Нет!

Ду Янь, следуя его взгляду, посмотрела на кусок свинины и рассмеялась:

— Ха-ха-ха, брат Юн, ты просто смешной!

Затем она приблизилась к Чжан Юню и прошептала:

— Брат Юн, даже если эта свинья хочет залезть в наш огород, ты не должен так обращаться с мясом в контейнере, оно ни в чём не виновато.

Чжан Юн сдержанно кашлянул:

— Кто сказал, что это из-за этого?

— Ладно, брат Юн, не переживай. Ты же знаешь Цюя уже давно, разве ты его не понимаешь?

Чжан Юн наконец оторвал взгляд. Ему просто было обидно, он считал, что такой мягкий и нежный Цюй не подходит для Гуань Яня, этого ледяного человека.

Что, если в будущем их семейная жизнь не сложится? Это повлияет на настроение, а настроение — на работу.

Если бы Ду Янь знала, о чём думает Чжан Юн, она бы, наверное, вскрыла его голову, чтобы понять, как устроено мышление этого золотого менеджера.

После обеда Гуань Янь отправился снимать свои сцены, а Тан Цюй хотел пойти с ним, но ему отказали, сказав, что он должен отдохнуть.

Тан Цюй усмехнулся. Неужели он считает его куклой? Актеры редко следуют строгому распорядку.

На этот раз Чжан Юн и Гуань Янь оказались на одной стороне, заставив Тан Цюя отдохнуть. Утром они спешили на самолёт, и никто не выспался.

Не в силах противостоять их натиску, Тан Цюй согласился отдохнуть.

На самом деле у Гуань Яня была ещё одна причина не пускать Тан Цюя. Он должен был снимать единственную любовную сцену Первого Принца в этом фильме.

Гуань Янь струсил.

Он и Цюй ещё не определились с отношениями, и он не хотел, чтобы из-за такой мелочи Цюй расстроился, иначе его путь к сердцу любимого стал бы ещё длиннее.

В фильме у Первого Принца был друг детства, можно сказать, цимэйчжума, они выросли вместе, и их отношения были особенными.

Первый Принц узнал, что ему придётся уехать, и они должны были расстаться. Его подруга детства хотела поехать с ним, но ситуация в столице была неизвестна, и девушка, не обладающая силой и не знающая стратегий, только добавила бы хлопот.

Актёры заняли свои места, фоном было спокойное озеро, простирающееся до горизонта.

— В столице, брат Цзюнь, ты, пожалуй, больше не увидишь таких пейзажей.

Мягкий голос нарушил тишину, но идеально вписался в окружающую обстановку.

— Я не знаю, как выглядит столица, и не понимаю, какие там пейзажи.

Как будто он не знал! Столица — центр власти, самое величественное и процветающее место в мире, полная противоположность этому месту.